ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

A. Pozdněev
Kalmyckīja skazki, Skazka pro syna bogača Man'čžīin"
zarlika i ego mal'čika rabotnika.

N. Veselovskīj
Peredovye Kalmyki na puti k" Volgě.

Калмыцкія сказки.

Калмыцкія сказки.

Сказка про сына богача Маньчжіинъ зарлика и его мальчика работника.

I.

Когда-то въ кочевьяхъ хана Алтàнъ öргöчжикỳ [1]) былъ богачъ, по имени Мöнгöнъ öргöчжикỳ [2]). Говорить о числѣ его богатствъ, (такъ) скота четырехъ родовъ [3]) было у него такъ много, что ему не доставало ни воды, ни травы; а золота, серебра, имущества и казны потерялся и счетъ. Самъ старикъ дожилъ до пятисотъ пятидесяти пяти лѣтъ, старуха его дожила до четырехъ сотъ сорока пяти лѣтъ, а между тѣмъ они не слыхали еще и голоса плачущаго ребенка. Вотъ, однажды говоритъ старикъ своей старухѣ: «Оба мы съ тобою состарились; ни роду, ни племени отъ насъ не вышло. Если мы умремъ, некому и владѣть этимъ домомъ, скотомъ, имуществомъ и казною, которыми мы владѣемъ. Теперь я съ тобой жить не стану, а уйду куда нибудь одинъ одинешенекъ и умру». — «Старикъ», отвѣчала старуха, «эта твоя (рѣчь) не справедлива: по своей волѣ человѣку жить нельзя. Будемъ молиться, да жить согласно опредѣленію, которое указало небо по нашимъ прежнимъ дѣяніямъ и положенной участи. Оба мы, хоть бы и родились у насъ дѣти — умремъ, хоть и не родились — умремъ. Будущее пусть вѣдаютъ совершенныя (нами) дѣла, да положенная (намъ) доля. Будемъ жить по ста-

---

1) Изобилующій золотомъ.

2) Изобилующій серебромъ.

3) Подъ именемъ четырехъ родовъ скота калмыки разумѣютъ — верблюдовъ, лошадей, рогатый скотъ и овецъ, составляющихъ принадлежность богатаго скотоводства; козы въ этотъ счетъ не входятъ, ибо онѣ суть достояніе бѣдняковъ, которые, по понятіямъ калмыковъ, скотоводства не имѣютъ.

рому»! Говоритъ старикъ: «я по старому жить не могу; я не могу остаться безъ того, чтобы куда-нибудь не идти. Я пойду»!

Такъ сказавши, онъ вышелъ и пошелъ пѣшкомъ.

Шелъ онъ такимъ образомъ, не считая день за день и ночь за ночь; вышелъ изъ рубежа кочевьевъ своего хана и сколько дней и ночей, сколько мѣсяцевъ онъ шелъ — кто знаетъ?! Подошелъ онъ къ кочевьямъ другаго хана и, когда наступала ночь, добрался до границъ (его) государства, вошелъ въ крайнюю юрту находившагося (на границѣ) хотона[1]) и сѣлъ. Въ ту пору домохозяева спросили у старика: «вы, старикъ, откуда и куда идете»? Старикъ сказалъ: «шелъ я изъ кочевьевъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ и искалъ заблудившійся (скотъ)».—А домохозяевъ этой юрты было двѣ души: старая старуха, да мàньчжи[2]) — лѣтъ по больше десяти. Лишь только старикъ такъ сказалъ, мàньчжи сейчасъ и спросилъ: «а есть въ кочевьяхъ этого хана, Алтàнъ öргöчжикӯ, богачъ, по имени Мöнгöнъ öргöчжикӯ»? — «Не знаю», сказалъ старикъ.—Мàньчжи говоритъ: «вы старикъ изъ кочевьевъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ. То, что живетъ (тамъ) такой именитый богачъ, Мöнгöнъ öргöчжикӯ, слышно даже въ нашихъ краяхъ; какъ же это вы то не знаете»? — Старикъ отвѣчалъ: «мы двое, старикъ да старуха, живемъ на краю кочевьевъ. Была у меня одна только корова съ теленкомъ; вдругъ моя корова ушла: не знаю, увели ее воры, не знаю, ушла она на своихъ ногахъ. Вышелъ я искать ее, закружился, потерялъ и сторону, и направленіе. Лучше скажите мнѣ, какъ называется это ваше мѣсто, какого хана эти кочевья и въ какую сторону теперь мои кочевья»?—«Поѣвши, переночуйте, а утромъ, вставши, я укажу», сказалъ мàньчжи.

Поѣлъ старикъ. Послѣ мàньчжи опять говоритъ ему: «право же вы для меня замѣчательный старикъ! Вы дѣйствительно старикъ изъ кочевьевъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ; (тамъ) дѣйствительно проживаетъ богачъ Мöнгöнъ öргöчжикӯ, который (своею славою) перешагнулъ и за то кочевье; хоть бы вы совсѣмъ его не знали, какъ же вы молвы то о немъ не слыхали»?! — Старикъ сказалъ: «вообще я отродясь до старости жилъ однимъ только своимъ домомъ, на границахъ кочевьевъ. Ко мнѣ ни кто не приходилъ и я ни къ кому не ходилъ. Ничего я не знаю кромѣ того что закидывать удочку въ воду, да ставить капканы на зайцевъ. Что ты спрашиваешь у меня объ этомъ богачѣ Мöнгöнъ öргöчжикӯ, если я уже сказалъ, что не знаю»?! — «Старикъ», отвѣчалъ маньчжи, «мои вопросы имѣютъ причину. Если спросите о причинѣ, (такъ дѣло въ томъ, что) я слышалъ разговоры, будто

1) Хотонъ — селеніе, — нѣсколько юртъ, кочующихъ вмѣстѣ.

2) Низшая степень буддійскаго монашества, которая преподается, обыкновенно, въ дѣтскомъ возрастѣ.

богачъ Мöнгöнъ öргöчжикӯ, живущій въ кочевьяхъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ, дожилъ до пяти сотъ пятидесяти пяти лѣтъ, старуха его дожила до четырехъ сотъ сорока пяти лѣтъ, а между тѣмъ они не слыхали голоса плачущаго ребенка. Они заставляли производить всякія средства и способы, всякія службы, способствующія рожденію дѣтей, и тѣмъ не менѣе дѣти у нихъ не рождаются. Вотъ почему я спрашиваю».—«Коли такъ», сказалъ старикъ, «такъ, вѣроятно, они составляютъ собою пару, которой не судьба родить дѣтей». «Нѣтъ», отвѣчалъ мàньчжи, «средство родить дѣтей для нихъ есть легкое».—А мать мàньчжи говоритъ: «ты, мàньчжи—ротъ у тебя черезъ чуръ великъ! Въ кочевьяхъ такого великаго хана живетъ такой славный богачъ; эти люди не могли пріискать средства и удобства; а ты чѣмъ (поможешь), какъ знаешь средства?! — Такія рѣчи говорятъ ничтожные люди, съ этой поры ты этакія рѣчи брось»!—Когда она такъ сказала, мàньчжи замолчалъ, а старикъ сказалъ: «можетъ быть этотъ мàньчжи и знаетъ! А какое его средство? Скажи, мàньчжи»!—Мàньчжи сказалъ: «вы, старикъ, говорите, что вы дѣйствительно старикъ изъ того кочевья. Когда вы воротитесь, такъ ступайте къ этому богачу, Мöнгöнъ öргöчжикӯ, и скажите. Онъ дастъ вамъ большую награду. Рѣчи, которыя должно сказать вамъ — вотъ какія: принеси жертвы буддѣ; поднеси дары хуваракамъ; неимущимъ, немощнымъ, а равно нищимъ и побирушкамъ, живущимъ въ кочевьяхъ того хана, подай милостыни и сверхъ того, на передней (южной) сторонѣ юрты, на разстояніи около девяти локтей отъ ея дверей, поставь золотой сумэ[1]), высотою въ девять локтей къ верху и девять локтей къ низу. Если потомъ принесешь жертвы огню и помолишься, то родится у тебя сынъ и долголѣтній, и извѣстный своимъ умомъ».—Потомъ старикъ распросилъ у этого мàньчжи про его родъ и поколѣніе, про его имя и мѣстонахожденіе, ночевалъ у него и на утро, вставши съ разсвѣтомъ, сказалъ: «теперь, мàньчжи, укажи мнѣ мою сторону, я ворочусь». Мàньчжи всталъ и, показывая сторону, сказалъ: «вотъ такъ ступайте»! — При этомъ указалъ на западъ. «Ну, мàньчжи, будь здоровъ»! сказалъ старикъ и выбѣжалъ.

Бѣжалъ старикъ не считая ни дня ни ночи и добрался до своего дома. Пришедши, богачъ старикъ поднесъ дары (всѣмъ) ламамъ: гэлӯнамъ, гэцӯлямъ и мàнчжіямъ своего кочевья, каждому по скольку слѣдуетъ. Затѣмъ отъ богача Мöнгöнъ öргöчжикӯ было разослано извѣщеніе на четыре стороны и на восемь угловъ, что онъ будетъ раздавать милостыню всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ, голоднымъ и изнуреннымъ, нищимъ и побирушкамъ кочевьевъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ. Собирались всѣ, какіе были, бѣдные и

1) Буддійская кумирня.

неимущіе, всѣ, какіе были, сироты и безпріютные, всѣ, какіе были, голодные и изнуренные въ теченіе семи сутокъ и собралось ихъ (такое) множество, что едва помѣщались они вокругъ на пространствѣ кочевки. Этому народу онъ роздалъ подаяніе скотомъ, деньгами, вещами и прочимъ, каждому что слѣдуетъ. Затѣмъ собралъ онъ лучшихъ мастеровъ того ханства, построилъ золотой сӯмэ̀, какъ говорилъ ему прежде мàньчжи, принесъ жертву огню, совершилъ молебствіе, отправился представить подарки своему хану, поклонился хану, доложилъ ему обо всѣхъ, совершенныхъ дѣлахъ и пришелъ назадъ. Покуда совсѣмъ покончилъ онъ эти свои дѣла, прошло пять мѣсяцевъ съ сутками.

Послѣ того, нѣсколько спустя, такъ какъ онъ не провѣрялъ еще свой скотъ, надѣлъ онъ свой колчанъ — шоргольджи̇̀нъ, сѣлъ на свою лошадь, называвшуюся шодо̀нъ-цо̄хоръ и выѣхалъ глядѣть и считать свой скотъ. Пока, пересчитавши сполна свой скотъ, онъ воротился, прошло еще пять мѣсяцевъ. И вотъ, въ то время когда онъ возвращался, когда подъѣзжалъ къ дому, показался ему высовывающимся чрезъ отверстіе на верху юрты шӯрӯ̆къ (= шестъ, поставляемый посреди юрты во время родовъ). Старикъ гикнулъ, пріударилъ свою лошадь шодо̀нъ-цо̄хоръ, подъѣхалъ, соскочилъ съ лошади, хочетъ войти въ юрту — собралось нѣсколько старухъ. И видитъ онъ, что родился (у него) мальчикъ съ золотою грудью, съ серебрянною задницей. Обрадовался старикъ богачъ и устроилъ по случаю рожденія ребенка большой пиръ — несказанный; отнесъ онъ праздничные подарки хану и доложилъ ханскому величеству свою радостную вѣсть — «родился», говоритъ, «у меня сынъ, а имя этому мальчику соблаговолите вы». Ханъ спросилъ: «откуда ты узналъ, что нужно сдѣлать этакое средство, чтобы родить этого мальчика»? Старикъ сполна и подробно разказалъ хану, какъ прежде ушелъ онъ, намѣреваясь убѣжать изъ своего дома; какъ дошелъ до кочевьевъ хана Домбатиб'а; какъ направился въ юрту мàньчжи, у котораго была старуха мать и что слышалъ онъ отъ мàньчжи. Ханъ, раздумавши и сообразивши, сказалъ: «коли такъ, такъ этотъ мàньчжи, кажется, не простой! Такъ какъ отъ словъ этого мàньчжи родился у тебя сынъ, то пусть зовется этотъ мальчикъ Мàньчжіинъ зарли̇̀къ (слово мàньчжи)». Такъ сказавши, пожаловалъ ханъ имя мальчику.

Потомъ старикъ воротился. (Сына своего) ласкалъ, ростилъ, кормилъ молокомъ, медомъ, да бѣлымъ масломъ; оттого мальчикъ имѣлъ быстрый ростъ, видъ его былъ прекрасный и умъ свѣтлый. Когда было ему три года, вдругъ, въ одинъ день и говоритъ онъ своему отцу: «тятя, дай мнѣ немножко денегъ, я пойду на ханскій базаръ и поторгую». — «Торговать нѣтъ нужды», отвѣчалъ старикъ; «тебѣ, хоть бы ты и не торговалъ, небо (тэнгри)

пожаловало и добро, и скотъ, и серебро»! Старуха сказала: «хоть скотъ и серебро и есть, а, не отказывая желанію ребенка, дай ему, пожалуйста, немножко денегъ». Старикъ пошелъ съ сыномъ къ своей кладовой ямѣ, въ которой были у него деньги, и говоритъ: «держи мѣшокъ»! Далъ въ руки сыну и, зачерпнувъ три лопаты, наложилъ золота въ мѣшокъ.—Какъ посчитали, вышло триста тысячъ милліоновъ денегъ. Мальчикъ взвалилъ эти деньги на плечи и направился на ханскій базаръ.

Идучи, видитъ онъ, что впереди его какой-то живой человѣкъ завязалъ веревкою за шею мертваго человѣка, повѣсилъ его на дерево и, намочивши плеть водою, стегаетъ его этою плетью. Мальчикъ подошелъ и сказалъ живому человѣку: «эй, человѣкъ, за что ты стегаешь этаго мертвеца»? Тотъ человѣкъ говоритъ: «бить этого человѣка мнѣ слѣдуетъ; дѣло вотъ какое: онъ, когда былъ живымъ, взялъ у меня триста тысячъ милліоновъ денегъ и, не отдавши ихъ, умеръ. Изъ того, что осталось послѣ него, взять нечего, и если не постегать, такъ что же я получу съ него»?—Такъ сказавши, онъ въ сердцахъ (съ гнѣвомъ) продолжалъ бить его плетью. Мальчикъ сказалъ: «эхъ, человѣкъ, какая польза бить мертвеца? Брось ты его! Еще грѣхъ будетъ, если будешь бить»! — Тотъ человѣкъ говоритъ: «ты сынъ богача Мöнгöнъ öргöчжикӯ, родившійся въ своемъ богатствѣ въ кочевьяхъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ. Если есть у тебя желаніе заставить меня бросить его, такъ ты можешь заставить, отдавши мои триста тысячъ милліоновъ». — Мальчикъ тотчасъ же сказалъ: «именно я отдамъ тебѣ; возьми золото, находящееся въ мѣшкѣ! Вотъ оно! Возьми, сосчитавши»! Съ этими словами онъ высыпалъ и отдалъ. Тотъ живой человѣкъ обрадовался, взялъ, сосчитавши, деньги, спустилъ мертвеца и, бросивши его внизъ на землю, пошелъ назадъ. А мальчикъ, положивъ свой пустой мѣшокъ подъ мышку, возвратился (домой) и, пришедши, говоритъ своей матери: «матушка, дай мнѣ немножко денегъ, я пойду на ханскій базаръ, поторгую».—«Э, дитятко мое, о какой ты торговлѣ говоришь?! Для тебя моего у насъ есть и добро, и скотъ, и деньги»! Отецъ сказалъ: «не отказывая желанію ребенка, дай ему, пожалуйста, немножко денегъ». Тогда старуха дала держать своему сыну за края кисетъ и трижды всыпала лопаткою. Данное снова составило триста тысячъ милліоновъ денегъ. Мальчикъ счетомъ принялъ деньги, взвалилъ ихъ на спину и направился къ ханскому базару. Когда онъ выходилъ, отецъ его говоритъ: «сынъ мой, какъ будешь покупать товаръ, такъ покупай его вмѣстѣ и съ лошадями, и съ телѣгами — у насъ вѣдь ни телѣгъ, ни упряжныхъ лошадей нѣтъ.

Потомъ пошелъ мальчикъ, дошелъ до ханскаго базара, купилъ семьдесятъ телѣгъ съ семьюдесятью при нихъ лошадями, наложилъ на эти семьдесятъ телѣгъ товаръ, поднизъ подостлалъ войлокъ, сверху покрылъ кожею,

крѣпко и ровно связалъ свой товаръ и думаетъ: «теперь пойду поищу себѣ работника». Ходитъ онъ по ханскому базару, ища человѣка, который могъ бы быть его работникомъ, и въ это время подходитъ къ нему мальчикъ, по лѣтамъ не много постарше его самого, въ дырявомъ халатишкѣ и говоритъ: «я пойду работникомъ». — Сынъ богача говоритъ: «ну, иди сюда, твое жалованье за мной не пропадетъ».—Подходя къ своимъ телѣгамъ съ своимъ работникомъ, купилъ онъ на базарѣ баранью ногу мяса и, приказавши сварить, отдалъ ее работнику. Мальчикъ работникъ сварилъ мясо, вытащилъ его на блюдо и поднесъ своему мальчику хозяину. Сынъ богача началъ ѣсть и говоритъ: «поскорѣй садись, да ѣшь; поскорѣй поѣдемъ»! Мальчикъ работникъ сѣлъ вмѣстѣ и началъ ѣсть. Тогда мальчикъ хозяинъ вывалилъ это мясо въ подолъ мальчику работнику — «ты», говоритъ, «теперь не нуженъ!» и прогналъ его.

Опять пошелъ сынъ богача по ханскому базару, ища работника. Опять подходитъ къ нему мальчикъ, не больше прежняго мальчика, въ изношенномъ, дрянномъ, дыравомъ халатишкѣ и говоритъ: «я пойду работникомъ».—«Ну, иди сюда», говоритъ,—и пришелъ въ сопровожденіи его къ своимъ телѣгамъ. Опять далъ онъ мальчику работнику и приказалъ сварить мясо бараньей ноги. Мальчикъ приготовилъ мясо, выложилъ на блюдо и принесъ своему мальчику хозяину. Мальчикъ хозяинъ началъ ѣсть и говоритъ: «скорѣй садись сюда, ѣшь; мы поскорѣе поѣдемъ»!—Мальчикъ работникъ говоритъ: «ѣшьте вы, а я посмотрю на остатки». — Мальчикъ хозяинъ говоритъ: «почему же ты не ѣшь?.. ты сытъ что ли?—«Нѣтъ», отвѣчалъ мальчикъ работникъ, «намъ съ вами изъ одной чашки ѣсть — не порядокъ. Вы должны поступать какъ господинъ, а я долженъ поступать какъ работникъ. Я долженъ смотрѣть на остатки: если останется — поѣмъ; если не останется — такъ пойду». Тогда мальчикъ хозяинъ вывалилъ это мясо въ подолъ работнику и сказалъ: «садись на эту переднюю телѣгу и поѣзжай по той большой дорогѣ»!—указалъ, а самъ сѣлъ на среднюю телѣгу.

Поѣхали они тою дорогою и когда проѣзжали мимо своего дома, отецъ богача мальчика вышелъ на встрѣчу своего сына, сопровождаемый черной собакой и держа черный мечь.—«Ну сынокъ», говоритъ старикъ, «вотъ теперь ты выѣзжаешь торговать; ѣхать тебѣ спокойно, да здорово; воротиться поскорѣй, да съ радостью»!—Пожелавши добраго, старикъ сказалъ: «поѣзжай ты, ведя за собою эту черную собаку; поѣзжай, прикрѣпивши къ поясу этотъ черный мечъ»! Отдалъ ихъ и говоритъ: «какъ выѣдете изъ рубежа своихъ кочевьевъ и переночуете три ночи, покажется вамъ большая черная сопка; у этой сопки вы не ночуйте: коли покажется въ позднее время—ночуйте не доѣзжая, по сю сторону; коли покажется рано—ночуйте проѣхавши,

по ту сторону. Поѣхавши дальше отъ нея, опять, какъ переночуете три ночи, покажется бѣлый песокъ; на немъ опять не ночуйте. Поѣхавши дальше отъ него, опять, какъ переночуете три ночи, покажется черный, не покрытый травою солончакъ, на немъ опять не ночуйте. Потомъ какъ выѣдете благополучно изъ этихъ трехъ мѣстъ, такъ безопасно доѣдете до кочевьевъ Кӧкши̇нъ-бӯралъ (= престарѣлаго съ просѣдью) хана и будете торговать». Съ этими словами старикъ пожелалъ добраго и воротился.

Поѣхали два мальчика полдничая на своихъ полуденникахъ и ночуя на своихъ ночлегахъ. Выѣхали они изъ рубежа своихъ кочевьевъ и какъ переночевали три ночи, мальчикъ работникъ, увидавши большую черную сопку, сказалъ мальчику хозяину: «кажется это та черная сопка, про которую говорилъ вашъ батюшка; выѣхавши за рубежъ кочевьевъ, мы вѣдь ночевали три раза. Ныньче мы, кажется, не можемъ миновать ее, переночуемъ здѣсь». Мальчикъ хозяинъ, Ма̀ньчжіинъ зарли̇къ, говоритъ: «поѣзжай дальше, теперь вѣдь рано — проѣдемъ». Мальчикъ работникъ, не говоря ни слова въ отвѣтъ, поѣхалъ.

Ѣдутъ они такимъ порядкомъ и, когда вечернее солнце уже шло на закатъ, доѣхали до черной сопки. Лошади, везшіе семьдесятъ телѣгъ, взмылились: хоть ихъ и стегали, и били — не шевелятся, не идутъ. Слѣзъ мальчикъ работникъ, запрягъ въ одну телѣгу три лошади — и кнутомъ погоняетъ, а они не могутъ сдвинуть телѣгу, не могутъ выѣхать на ту сторону черной сопки. Ма̀ньчжіинъ зарли̇къ говоритъ: «теперь здѣсь переночуемъ. Развѣ будетъ какая опасность, говоришь ты?! Распрягай телѣги»! Мальчикъ работникъ поставилъ телѣги въ кругъ, спуталъ и пустилъ семьдесятъ лошадей, приготовилъ пищу. Поѣли. Ма̀ньчжіинъ зарли̇къ легъ и заснулъ, а мальчикъ работникъ ходитъ вокругъ семидесяти лошадей, да смотритъ. Вдругъ, неизвѣстно откуда явился, подходитъ къ мальчику громадный черный старикъ и говоритъ: «что это значитъ, дѣтки, что, видя домъ, вы ночуете въ степи? Подите къ намъ, ночуйте»! — «Гдѣ вашъ домъ»? спрашиваетъ мальчикъ-работникъ.—«А вонъ, — тотъ огонь, который виденъ, вонъ тотъ»! сказалъ старикъ. И какъ показалъ, такъ и огонь мальчику завиднѣлся. — «Вашъ домъ этотъ», сказалъ мальчикъ; «вы ступайте назадъ, а я пойду сзади васъ съ своимъ товарищемъ. Мы пріѣхали и остановились поздно и ничего не видали. Если есть домъ, такъ хорошо»!—«Ну, дѣтки, такъ и дѣлайте»!—сказалъ старикъ и воротился. Тогда мальчикъ прибѣжалъ въ свой шалашъ, тихонько вытащилъ черный мечъ Ма̀ньчжіинъ зарли̇ка, снялъ сапоги, заткнулъ обѣ полы халата за поясъ, и, держа черный мечъ, на цыпочкахъ подошелъ къ дому. (Видитъ)—большая черная юрта. Войлокъ, составлявшій стѣну этой юрты, прорвался и когда мальчикъ захотѣлъ посмотрѣть, видитъ

семь громадныхъ, черныхъ стариковъ,—«шуръ, шуръ»—точатъ кинжалы. «Гдѣ же, ты говоришь, идутъ»? спрашиваютъ они у одного. А одинъ отвѣчаетъ: «онъ сказалъ—приду съ своимъ товарищемъ, теперь, вѣроятно, идетъ». Первые говорятъ: «выйди, посмотри поскорѣе, идутъ, или нѣтъ»! И вотъ одного мальчикъ подкараулилъ, какъ онъ вышелъ—срубилъ ему голову, повалилъ и тѣло его отбросилъ назадъ. Въ это время бывшіе въ юртѣ разговариваютъ: «это—«ташъ-башъ»—зашумѣло, что это за звуки»?! А мальчикъ рубилъ ихъ, какъ и перваго, по одному выходившихъ другъ за другомъ, и всѣхъ побилъ. Входитъ въ ихъ юрту и видитъ: по правой и по лѣвой сторонамъ развѣшано человѣчье мясо, а на главной сторонѣ навалено грудою и золото, и серебро, и вещи, и драгоцѣнности. Мальчикъ, перекрошивши на мелкіе кусочки тѣла этихъ семи стариковъ, спалилъ ихъ юртою[1]), а золото, серебро, вещи и драгоцѣнности закопалъ внизу, въ землю. Прибѣжалъ назадъ къ палаткѣ, вытеръ кровь съ чернаго меча Мàньчжіинъ зарлѝка, вложилъ его тихонько въ ножны, приготовилъ кушанье и разбудилъ Мàньчжіинъ зарлѝка. Поѣли кушанье, запрягли лошадей и поѣхали дальше.

Опять ѣдутъ также. Какъ переночевали три раза, во время вечерней половины дня увидалъ мальчикъ-работникъ большой бѣлый песокъ и говоритъ Мàньчжіинъ зарлѝку: «Кажется, это тотъ бѣлый песокъ, о которомъ намедни говорилъ вашъ батюшка! Вотъ онъ виднѣется большой бѣлый песокъ! Миновавши черную сопку, мы вѣдь ночевали три ночи. Теперь уже поздно, переночуемъ здѣсь: прежде заката солнца мы, кажется, не можемъ проѣхать, а дальше него мѣсто-то далекое»! Мàньчжіинъ зарлѝкъ говоритъ: «ну, ступай прямо, впередъ! Развѣ мы не ночевали и на черной сопкѣ, про которую говорилъ батюшка?—Ничего не вышло! Теперь развѣ что будетъ, говоришь ты?! Сказываешь—батюшка говорилъ! Днемъ что-ли будемъ мы ночевать здѣсь, на степи?! Коли ночевать, такъ и доѣхавши до бѣлаго песка ночуемъ, а коли проѣдемъ его, такъ и проѣхавши ночуемъ»! Мальчикъ-работникъ, не говоря ни слова, поѣхалъ.

На самомъ закатѣ вечерняго солнца, доѣхали они до бѣлаго песка и, по прежнему, семьдесятъ лошадей въ телѣгахъ не пошли и стали. Распрягли лошадей, спутали, пустили, приготовили кушанье, поѣли и Мàньчжіинъ зарлѝкъ заснулъ. Мальчикъ-работникъ ходитъ вокругъ семидесяти лошадей и смотритъ. Вдругъ, подходитъ къ нему старуха хошъ-хубаракъ (баба-яга?), на козлиныхъ ножкахъ, съ мѣднымъ рыломъ.—«Эй, дѣтки», говоритъ она, «что же это значитъ, что вы, видя домъ, ночуете на степи? Подите къ намъ, переночуйте»! Работникъ-мальчикъ говоритъ: «А вы гдѣ живете? Мы поздно пріѣхали и остановились, ничего не видали».—«А мы

1) Т. е. употребивши ихъ юрту вмѣсто дровъ, на костеръ.

вотъ — огонь виднѣется, — это самое»! сказала старуха. «Самое лучшее когда есть домъ»! отвѣчалъ мальчикъ. «Мы ѣхали, только и думали о домѣ! Вы возвращайтесь, а я сзади васъ пойду съ своимъ товарищемъ». — «Ну такъ и дѣлайте дѣтки, милые мои»! сказала старуха и пошла назадъ. Мальчикъ-работникъ послѣ того пришелъ къ своей палаткѣ, выгащилъ потихоньку черный мечъ Мàньчжіинъ зарлѝка, разулъ сапоги, заткнулъ за поясъ обѣ полы и, держа въ рукахъ мечъ, на цыпочкахъ, на цыпочкахъ ступая, добрался.(Видитъ) — юрта, а въ ней горитъ огонь. Тихонько направившись, мальчикъ посмотрѣлъ въ скважину. Семь такихъ старухъ точатъ семь обоюду-острыхъ мечей и разговариваютъ: «гдѣ же, ты говорила — идутъ»? Одна изъ нихъ говоритъ: «сказалъ — приду съ своимъ товарищемъ, должно быть идетъ»! — А старшàя ихъ сказала: «поскорѣй выйди, посмотри». Мальчикъ подкараулилъ, какъ она вышла и, срубивъ ея голову, повалилъ ее. Послѣ того и тѣхъ старухъ, выходившихъ одна за другою, всѣмъ имъ отрубилъ головы, повалилъ и побилъ; тѣла ихъ онъ пожегъ ихъ юртою, а золото, серебро, имущество и казну, все сполна зарылъ въ землю. Пришелъ къ своей палаткѣ, приготовилъ кушанье, вытеръ кровь съ чернаго меча, всунулъ его въ ножны невѣдомо для Мàнчжіинъ зарлѝка, и самого его разбудилъ. Поѣли кушанье, запрягли въ телѣги лошадей и поѣхали дальше.

Опять какъ переночевали три раза, во время вечерней половины дня показался какъ будто бы черный солончакъ. Опять мальчикъ-работникъ говоритъ своему мальчику-хозяину, а мальчикъ-хозяинъ по прежнему отвѣчаетъ: «ступай дальше, чего тамъ»! Доѣхали. Опять по прежнему лошади не пошли и тамъ, на томъ черномъ солончакѣ, поставили они въ кружекъ свои телѣги, спутали и пустили семьдесятъ лошадей, приготовили кушанье, поѣли, Мàньчжіинъ зарлѝкъ заснулъ. Ходитъ мальчикъ-работникъ, поглядывая своихъ лошадей. Въ это время подходитъ къ нему маленькая дѣвочка — челка у нея до самыхъ глазъ, а глаза полные взгляда. «Братцы», говоритъ она, «что же это значитъ, что вы, видя домъ, ночуете на степи? Матушка сказала, чтобы вы пришли, ночевали въ юртѣ»! — Мальчикъ-работникъ спрашиваетъ: «а гдѣ вашъ домъ»? Дѣвочка говоритъ: «нашъ — вотъ, этотъ огонь выходитъ — этотъ»! — «Домъ развѣ не хорошо»! говоритъ мальчикъ, «простой человѣкъ ѣдетъ, только и думаетъ о домѣ! Придемъ, переночуемъ! Ты ступай назадъ, а я пойду сзади тебя вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ»! Говоритъ, а самъ показываетъ видъ, будто обрадовался. Дѣвочка воротилась. Мальчикъ тотчасъ же, тѣмъ же самымъ порядкомъ взялъ черный мечъ мальчика-хозяина, снялъ сапоги, заткнулъ обѣ полы за поясъ и потихоньку отправился. Опять стоитъ черная юрта. Прищурился, посмотрѣлъ въ нее. Семь дѣвокъ точатъ семь кинжаловъ и разговариваютъ. «Гдѣ же,

ты сказала — идутъ»? Та дѣвочка, которая приходила, говоритъ: «сказалъ: ворочайся назадъ, а я пойду сзади тебя съ своимъ товарищемъ; теперь должно быть идутъ».—Одна изъ нихъ сказала: «что же это до сей поры»? и вышла. Мальчикъ, будучи на сторожѣ, на отрѣзъ пересѣкъ ей шею, свалилъ ей голову, а тѣло ея отбросилъ назадъ. Подошелъ опять мальчикъ, смотритъ въ юрту. Одна дѣвка говоритъ: «замѣчательные эти мальчики! Какъ же это они миновали нашихъ семь отцевъ и семь матерей»?—А другая отвѣчаетъ: «можетъ быть прошли днемъ, а можетъ быть прошли, когда ихъ не было; ну, да хоть ушли отъ нихъ, отъ насъ-то не уйдутъ, кажется! Кто нибудь выйди, посмотри-ка, что же та-то»? — Опять вышла одна изъ нихъ — мальчикъ опять срубилъ и свалилъ ее. Такимъ порядкомъ, они еще и еще выходили, а мальчикъ всѣхъ ихъ порубилъ и повалилъ, какъ и первую; тѣла ихъ онъ пожегъ ихъ юртою, а имущество, драгоцѣнности и казну закопалъ въ землю. Воротился мальчикъ къ своей палаткѣ, очистилъ кровь съ меча Мàньчжіинъ зарлѝка, всунулъ его въ ножны, приготовилъ кушанье и разбудилъ Мàньчжіинъ зарлѝка. Поѣли кушанье, запрягли телѣги, поѣхали дальше. Вотъ они ѣхали и подъ конецъ двадцать первыхъ сутокъ добрались до кочевьевъ Кöкшѝнъ-бӯралъ хана. Пріѣхали на ханскій базаръ, остановились, поставили юрту, повытащили товары и заторговали.

Поживши такъ, Мàньчжіинъ зарлѝкъ выбралъ изъ своего товара нѣчто самое лучшее и, поднесши въ подарокъ Кöкшѝнъ бӯралъ хану, представился ему. Когда ханъ спросилъ, откуда онъ пришелъ, какого хана подданный, чей сынъ? Мальчикъ отвѣчалъ: «я, Мàньчжіинъ зарлѝкъ, сынъ богатаго старика Мöнгöнъ öргöчжикӯ, изъ кочевьевъ хана Алтàнъ öргöчжикӯ». Тогда Кöкшѝнъ бӯралъ хàнъ пожаловалъ Мàньчжіинъ зарлѝку кушанья и питья, чествовалъ его и угощалъ. Въ это время сынъ того хана, называвшійся Мöнъкö-цагàнъ и Мàньчжіинъ зарлѝкъ свели знакомство и съ этихъ поръ сдѣлались друзьями-пріятелями: днемъ они играли въ шахматы, ночью Мàньчжіинъ зарлѝкъ приходилъ въ свою палатку и ночевалъ. Мальчикъ работникъ распродавалъ товары, сдалъ на храненіе человѣку своихъ мериновъ и исполнялъ всякія другія дѣла. Когда подходило къ тому, что онъ уже кончалъ свои товары, въ одинъ день приготовлялъ онъ кушанье въ печи[1]), (выкопанной) внѣ (юрты). Въ это время прибѣжала ханская, желторябая кошка, величиною съ собаку и пошла обнюхивать по краямъ печки. Черная собака Мàньчжіинъ зарлѝка зарычала и говоритъ той кошкѣ: «тебѣ ханскаго кушанья мало, что ты пришла воспользоваться объѣдками двухъ

1) Печью (зӯха) калмыки называютъ, небольшія ямы, вершковъ въ 10 шириною, аршинъ съ четвертью длиною и въ полъ-аршина глубиною, которыя они выкапываютъ, обыкновенно, позади своихъ юртъ.

мальчиковъ, которыхъ я сторожу»! — Кошка говоритъ: «ты жалѣешь для меня объѣдковъ твоихъ двухъ мальчиковъ; ну такъ я въ ту ночь, когда твой мальчикъ хозяинъ будетъ жениться, превращусь въ ядовитую змѣю, пойду и уязвлю, это тебѣ каково будетъ»?— Собака говоритъ: «гдѣ тебѣ убить моего мальчика-хозяина?! Напротивъ, твоя-то желчь будетъ лекарствомъ для дочери вашего хана, которая уже три года болѣетъ сухоткою. Это ты знаешь»?! Когда она такъ сказала, мальчикъ работникъ, слыша рѣчи ихъ обоихъ, схватилъ лежавшую поблизости желѣзную лопату, перебилъ ею шейные позвонки кошки и убилъ ее; взялъ ея желчь, а тѣло ея бросилъ въ воду. Затѣмъ желчь ея обвязалъ онъ ниточкой и привязалъ къ унинамъ[1]) юрты. Когда наступилъ вечеръ, Маньчжіинъ зарликъ пришелъ въ свою палатку, поѣлъ кушанья и легъ спать. Мальчикъ работникъ, слово за слово, разговаривая, спрашиваетъ у Маньчжіинъ зарлика: «а что у этого хана помимо сына, который подружился и играетъ съ вами, есть еще другія дѣти»? Маньчжіинъ зарликъ отвѣчалъ: «есть одна дочка, да все равно что нѣтъ: она больная, между жизнью и смертью. Лекаря въ теченіе трехъ лѣтъ не могли вылечить ее, совсѣмъ пришли въ отчаяніе». Мальчикъ работникъ говоритъ: «какъ же это, въ такихъ большихъ кочевьяхъ нѣтъ лекарей, которые бы могли вылечить такую болѣзнь? Коли дадутъ они награду, я вылечу»!—Маньчжіинъ зарликъ говоритъ: «о наградѣ слова нѣтъ: выкликнули кличъ, что вылечившему человѣку отдадутъ и самоё дѣвушку и половину подданныхъ; тѣмъ не менѣе никто не могъ вылечить. Какъ же ты можешь вылечить ту, которую не могли вылечить лекаря такихъ большихъ кочевьевъ? Напередъ такихъ словъ ты не говори: отъ такихъ рѣчей намъ и горе можетъ быть»! Работникъ говоритъ: «я не вру: если вылечу — награда моя; а если не смогу вылечить, наказаніе развѣ не мое? Право же, вы только доложите хану, а что потомъ—я знаю»! — Маньчжіинъ зарликъ говоритъ: «если ты говоришь по правдѣ, такъ я завтра доложу хану». Переночевали.

На слѣдующее утро Маньчжіинъ зарликъ всталъ, умылся, положилъ поклоны, прочиталъ чтенія, и, когда ханъ пробудился, отправился къ хану. Играетъ онъ въ шахматы съ ханскимъ сыномъ, Мönъкö цаганомъ, и въ ту пору говоритъ ему: «мой мальчикъ работникъ сказывалъ, что можетъ лечить и вылечить вашу больную сестру и просилъ доложить объ этомъ обстоятельствѣ хану; правду онъ говоритъ, или вретъ, я въ точности не знаю». Мönъкö цаганъ говоритъ: «вылечитъ, или не вылечитъ, а я доложу батюшкѣ хану»—и, отправившись, доложилъ. Ханъ сказалъ: «я прокликалъ кличъ, если кто вылечитъ, то вылечившему человѣку отдамъ самоё дѣвушку, а сверхъ того половину своихъ поданныхъ»;—приказалъ привести мальчика работника

1) Длинныя жерди, составляющія стропила въ крышѣ калмыцкой юрты.

и показалъ ему болѣзнь дѣвушки. Мальчикъ посмотрѣлъ; — «я», говоритъ, «полечу и вылечу». Ханъ со старѣйшими чиновниками дали ему разрѣшеніе. Тогда мальчикъ въ теченіе семи сутокъ показывалъ видъ, будто онъ читаетъ таинственныя слова, дулъ на дѣвушку, произносилъ надъ ней магическія заклинанія и три утра давалъ лизать дѣвушкѣ, на голодный желудокъ, кошачью желчь. Послѣ того у дѣвушки начало перевариваться все, что она ни пила и ни ѣла: она располнѣла, разъѣлась, стала какъ зеркало и выздоровѣла.

Потомъ, когда мальчикъ работникъ окончилъ распродажу своихъ товаровъ, и когда настало ему время возвращаться съ своимъ мальчикомъ-хозяиномъ, Маньчжіинъ зарликомъ, Маньчжіинъ зарликъ отправился къ ханскому величеству и говоритъ: «я пришелъ довести до вашего свѣдѣнія, что, воспользовавшись вашимъ благорасположеніемъ, въ самое непродолжительное время покончилъ я распродажу своихъ товаровъ и теперь намѣреваюсь возвратиться».—Ханъ говоритъ: «коли торговлю свою провелъ и коли настало время возвращаться, такъ возвращайтесь; но я долженъ еще дать награду мальчику работнику. Когда дочь моя лежала больною, то, такъ какъ она была мнѣ очень любезна, я далъ слово, что человѣку, вылечившему дѣвушку, отдамъ и самоё дѣвушку и половину своихъ подданныхъ. Теперь, послѣ того какъ она выздоровѣла, куда бы она ни пошла, мнѣ все равно, только была бы здорова. Я долженъ дать награду, которую обѣщалъ отдать. Подождите нѣсколько дней, пока отдѣлятъ половину моихъ подданныхъ». Послѣ того ханъ раздѣлилъ своихъ подданныхъ на двѣ половины, приготовилъ приданое дѣвушки: юрту, которую нужно было строить и все цѣликомъ завьючилъ на сто одногорбыхъ верблюдовъ и отправилъ. Маньчжіинъ зарликъ вмѣстѣ съ своимъ мальчикомъ работникомъ запрягли свои телѣги, взяли дѣвушку, приказали перекочевывать своимъ данникамъ и направились къ своимъ кочевьямъ.

Полдничая на своихъ полдникахъ и ночуя на своихъ ночлегахъ, ѣхали они какъ люди, перекочевывающіе съ одного мѣста на другое и, доѣхавши до чернаго солончака, остановились. Въ эту ночь мальчикъ работникъ повелъ Маньчжіинъ зарлика къ серебру, имуществу и драгоцѣнностямъ, которыя закопалъ онъ прежде и наложилъ все это на телѣгу. Маньчжіинъ зарликъ спрашиваетъ: «какъ это ты зналъ, что въ этомъ мѣстѣ находятся этакія вещи»?—А мальчикъ работникъ говоритъ: «ну ужъ я зналъ, а какъ узналъ, скажу вамъ послѣ; теперь и еще есть этакія вещи, которыя я зналъ и видѣлъ».—Воротились. Оттуда опять, покочевавши, доѣхали до бѣлаго песка и остановились. Мальчикъ работникъ опять отправился вдвоемъ съ Маньчжіинъ зарликомъ, откопали зарытыя прежде имущества и драгоцѣнности и нагрузили ихъ на телѣгу. Опять покочевали, пріѣхали къ большой, черной сопкѣ и остановились. Опять откопали прежде зарытыя тамъ серебро,

вещи и драгоцѣнности, нагрузили на телѣгу и пришли (къ своей стоянкѣ); приготовили здѣсь кушанье, поѣли, переночевали, а на утро покочевали дальше.

Такимъ порядкомъ (ѣдутъ они), а по дорогѣ у нихъ нѣтъ воды. Въ теченіе трехъ сутокъ и люди, и скотъ томились жаждою и всѣ, проходя по тѣмъ мѣстамъ, разбрелись искать воды, не обращая вниманія вершина ли то, или устье балокъ[1]). Въ это время развѣдчику, ходившему въ одной сторонѣ, на днѣ одного глубокаго колодца чуть чуть показалось—блеститъ вода. Человѣкъ этотъ возвращается къ своимъ товарищамъ и подробно разказываетъ имъ о колодцѣ. Мàньчжіинъ зарлѝкъ какъ начальникъ, въ сопровожденіи своего мальчика работника, взяли съ собою народъ, забрали веревки и бадьи и отправились къ колодцу Не хватило одной веревки, навязали другую, прикрѣпили бадью и опустили въ колодезь. Вытащили — бадьи нѣтъ—пустая веревка; еще опускали нѣсколько разъ и все по прежнему бадьи нѣтъ, а вытаскивается одна веревка. Мàньчжіинъ зарлѝкъ, какъ начальникъ, начинаетъ разговоры: «этотъ колодецъ — не простой колодецъ; въ немъ, на вѣрное, есть что нибудь страшное; поскорѣй уйдемъ отсюда». На эти разговоры мальчикъ работникъ говоритъ: «что тамъ страшнаго?! Я въ него влѣзу! Коли умереть, такъ умру! Привяжите меня веревкою по поясницѣ; Мàньчжіинъ зарлѝкъ, дайте мнѣ свой черный мечъ; а когда я дерну за веревку, тащите меня на верхъ». Такъ говоря, онъ приказалъ затянуть себя веревкой, взялъ въ руки мечъ, вступилъ въ колодецъ, достигъ до дна и хотѣлъ стать. (И вотъ тамъ) имѣлось воды, (мѣрою) по колѣно человѣку, надъ водою находился выдѣланный изъ земли выступъ, чтобы стоять на немъ; въ одномъ углу этого выступа сидѣла старуха вѣдьма (=мусъ эмэгэнъ), а въ другомъ хорошенькіе мальчикъ и дѣвочка. Мальчикъ этотъ всталъ, схватилъ мальчика работника и спрашиваетъ: «мальчикъ, мысль быстрѣй, или вѣтеръ быстрѣй»?—«Мысль быстрѣй», — отвѣчаетъ мальчикъ работникъ. Тогда мальчикъ, схватившій, спрашиваетъ: «какъ же это мысль быстрѣе вѣтра»?—А мальчикъ работникъ говоритъ: «хоть вѣтеръ и быстръ при движеніи въ одномъ направленіи, но мысль одновременно движется съ быстротою во всѣ четыре стороны; поэтому и говорятъ, что мысль быстрѣе». Мальчикъ, схватившій, говоритъ: «твоя правда. Мы двое, сынъ и дочь Хормусты тэнгрія, имѣли обычай каждый день приходить и купаться въ этомъ колодцѣ. Однажды, когда мы пришли и хотѣли купаться, здѣсь была эта старуха вѣдьма. Когда она мнѣ показалась, она показалась, принявъ на себя видъ небесной дѣвы. Я воспылалъ къ ней страстью и вслѣдствіе этого

1) Балками называются узкія долины въ горныхъ цѣпяхъ. Обыкновенно всѣ колодцы и ключи располагаются въ вершинахъ балокъ; но здѣсь томимые жаждою путники искали воду не только въ вершинахъ, а и въ устьяхъ балокъ.

вода этого колодца прежде всегда бывала ровна съ устьемъ, а теперь эта вода, постепенно испаряясь, стала по колѣно человѣку. Въ настоящее время, когда эта вѣдьма уже готова была съѣсть насъ сюда начали опускаться эти многочисленныя бадьи на веревкѣ. Я подумалъ, что можетъ быть есть средство (избавиться), и началъ отвязывать бадьи; — и вотъ ты пришелъ. Но, мальчикъ, теперь есть ли уже средство намъ избавиться»? Мальчикъ работникъ говоритъ: «какъ же это нѣтъ средства»? Съ этими словами онъ разсѣкъ пополамъ своимъ чернымъ, стальнымъ мечемъ старуху вѣдьму, которая находилась у него сбоку, привязалъ ее за конецъ веревки. Всѣ трое они стали на эту старуху вѣдьму, подергали за веревку, а народъ, стоявшій на верху, вытащилъ ихъ. По мѣрѣ того какъ поднимали ихъ кверху, слѣдовала за ними и вода колодца, а потомъ, когда старуху вѣдьму вытащили совсѣмъ, вода колодца выступила. Всѣ протоки наполнились водою и всѣ одушевленныя существа, томившіяся жаждою, успокоились. Потомъ эту старуху вѣдьму искрошили на мелкіе кусочки и сожгли. Тогда небесный мальчикъ говоритъ мальчику работнику: «эта старуха вѣдьма хотѣла съѣсть насъ, старшаго брата да младшую сестру; что же дамъ я тебѣ, благодѣтелю, который избавилъ насъ отъ смерти?! Въ награду за это отдамъ я тебѣ эту свою младшую сестру»! Съ этими словами, онъ превратился въ желтоголоваго лебедя и улетѣлъ на небо. Тогда Мàньчжіинъ зарлѝкъ говоритъ: «теперь у этой прекрасной воды переднюемъ мы сутокъ трое и дадимъ покой и себѣ, и подводамъ». Провели тамъ трое сутокъ, покочевали дальше и уже безъ всякаго вреда и худа пріѣхали домой, въ свои кочевья.

Поздоровался (Мàньчжіинъ зарлѝкъ) со своими старикомъ-отцемъ и съ матерью. Отецъ его обрадовался и говоря — «дитятко мое возвратилось счастливо»—устроилъ пирушку. Заликовали. Въ это время мальчикъ работникъ говоритъ Мàньчжіинъ зарлѝку: «я, низкій человѣкъ, боюсь этой небесной дѣвушки — берите ее вы; а послѣ того я еще разкажу вамъ кое что»; такимъ образомъ передалъ онъ небесную дѣвушку Мàньчжіинъ зарлѝку. И вотъ Мàньчжіинъ зарлѝкъ съ небесной дѣвушкой (совершили брачный обрядъ:) держа совмѣстно баранью ляжку и поклонившись желтому солнцу, устроили великій пиръ. Мàньчжіинъ зарлѝкъ представился своему хану, отнесъ ему свадебный подарокъ, да подарокъ отъ прибыли и возвратился назадъ. Когда наступило время спать, жениха и невѣсту положили спать, приготовивъ для нихъ одну подушку, а мальчикъ работникъ приготовилъ себѣ постель по краю очага и легъ. Держа въ рукахъ черный мечъ, лежитъ онъ, не спитъ, бодрствуетъ. И вотъ, ровно въ полночь, шуршитъ, ползетъ по краю очага, со стороны двери на главную сторону юрты, къ мѣсту, гдѣ спали молодые, большая, ядовитая, пестро-лысая змѣя. Мальчикъ работникъ уви-

далъ, ударилъ два раза, разрубилъ ее на три части и бросилъ подъ кровать дѣвушки. Потомъ мальчикъ работникъ подумалъ, что кровь ядовитой, пожалуй, брызнула на нихъ, засвѣтилъ огонь, посмотрѣлъ и увидѣлъ, что кровь брызнула на щеку дѣвицы и кипитъ. Отеръ онъ ее чистымъ, шелковымъ платкомъ, который лежалъ на подушкѣ, засунулъ его подъ подушку, а самъ пошелъ къ своей постелѣ. Дѣвушка проснулась; видитъ, что онъ идетъ и подумала — «онъ поцѣловалъ меня въ щеку и ушелъ». На утро встала она и говоритъ Ма̀ньчжіинъ зарли̇ку: «этотъ мальчикъ работникъ, когда я спала ночью, пришелъ, поцѣловалъ меня въ щеку и ушелъ. Вслѣдствіе такого поведенія этого мальчика мнѣ съ вами жить опасно; или его удалите, или меня удалите. Мнѣ безпокоиться нечего: если дадите мою лебединую шапочку, такъ я и возвращусь въ свое царство». — Ма̀ньчжіинъ зарли̇къ говоритъ: «нѣтъ, мой мальчикъ-работникъ такого дѣла не сдѣлаетъ, а все таки я у него спрошу». Съ этими словами онъ выслалъ всѣхъ, находившихся въ юртѣ и, призвавши мальчика работника, спросилъ его: «ты нынѣшнею ночью что сдѣлалъ»? — Мальчикъ работникъ говоритъ: «я нынѣшнею ночью сдѣлалъ дѣло, да сверхъ того есть и еще обстоятельства, которыя я имѣю передать вамъ; притомъ же пришло и время передавать. Прежде, когда получили вы отъ своего батюшки триста тысячъ милліоновъ денегъ и отправились на ханскій базаръ, то на дорогѣ встрѣчался ли съ вами одинъ живой человѣкъ, который, привязавши за дерево мертвеца, наказывалъ его, ударяя плетью»?— Ма̀ньчжіинъ зарли̇къ говоритъ: «встрѣчался дѣйствительно». — Мальчикъ-работникъ говоритъ: «я — душа этого умершаго человѣка. Я находился у Эрли̇къ номы̇инъ хана. Когда онъ стегалъ меня плетью, то я испытывалъ точно такое же страданіе, какъ будто бы онъ билъ мое живое тѣло. Когда вы отдали триста тысячъ милліоновъ своихъ денегъ и освободили меня, я тогда же получилъ великое успокоеніе и, чтобы отблагодарить васъ, выпросивъ срокъ, вышелъ отъ Эрли̇къ номы̇инъ хана и сдѣлался вашимъ работникомъ. Послѣ того добро, которое я сдѣлалъ вамъ, было слѣдующее: долгъ я вамъ отдалъ дѣйствительностью»; сверхъ того онъ разказалъ ему о томъ, какъ онъ убилъ семь громадныхъ, черныхъ стариковъ у большой черной сопки, у которой отецъ его не приказывалъ ночевать, когда ходили они въ дорогу; разказалъ, какъ онъ убилъ семь старухъ въ слѣдовавшемъ далѣе, большемъ бѣломъ пескѣ; разказалъ, какъ затѣмъ въ черномъ солончакѣ онъ убилъ семь дѣвушекъ; подробно разказалъ объ обстоятельствахъ того, какъ послѣ того какъ прибыли они въ кочевья Кӧкши̇нъ бӯра̀лъ хана, велъ онъ торговлю и какъ въ одинь день, въ ту пору какъ готовилъ онъ кушанье, поссорились между собою ханская кошка и собака Ма̀ньчжіинъ зарли̇ка; «а относительно того» (добавилъ онъ), «что на возвратномъ пути оттуда, мы за-

брали изъ трехъ мѣстъ имущество, казну и драгоцѣнности, которыя были зарыты въ землю, вы, вѣроятно, знаете и сами. Наконецъ, послѣ этого, въ прошедшую ночь, по словамъ, которыя говорила кошка, когда вы заснули, я не спалъ и сторожилъ. Въ это время, около полуночи, увидалъ я, что ползетъ, направляясь къ вамъ со стороны дверей, большая, ядовитая, пестро лысая змѣя и, разрубивши ее на трое, засунулъ ее подъ вашу кровать. Предполагая, что змѣиный ядъ, можетъ быть, попалъ на васъ моихъ, я зажегъ огонь и какъ посмотрѣлъ, (то увидалъ, что) змѣиная кровь попала на щеку дѣвицы и кипитъ. Я отеръ ее шелковымъ платкомъ, находившимся на подушкѣ и засунулъ его подъ вашу подушку. Змѣя, которую я убилъ, лежитъ и теперь подъ вашею кроватью». Съ этими словами онъ вытащилъ ее и показалъ; также точно вынулъ изъ подъ подушки, да показалъ онъ и шелковый платокъ, которымъ отеръ онъ кровь, попавшую на щеку дѣвушки. Тогда Маньчжіинъ зарликъ сказалъ: «вотъ, я говорилъ!»—Полились у него изъ глазъ слезы, обнялъ онъ мальчика-работника и плачетъ. А мальчикъ-работникъ говоритъ: «ваши слезы напрасны. Незнаю, отблагодарилъ ли я васъ за сдѣланное вами благодѣяніе или нѣтъ; но теперь я пропустилъ срокъ, выпрошенный у Эрликъ номыинъ хана и сверхъ его провелъ четырнадцать сутокъ. Теперь, должно быть, какъ приду я въ тѣ мѣста, такъ буду мучиться: будутъ варить меня въ большомъ котлѣ. Вы теперь наслаждайтесь добрымъ здоровьемъ и спокойствіемъ, а я пойду своимъ путемъ». Съ этими словами онъ вышелъ.—«Въ этакой короткій промежутокъ времени», завопилъ Маньчжіинъ зарликъ, «я повстрѣчался съ такимъ множествомъ смертей, какъ же я теперь буду безъ тебя?! Хоть умру, хоть живымъ останусь, а пойду вмѣстѣ съ тобою»—и пошелъ за нимъ вслѣдъ. Тогда мальчикъ работникъ говоритъ: «нѣтъ, туда вамъ идти нельзя. Я—душа мертваго человѣка, могу ходить какъ вѣтеръ; и во первыхъ—вы не можете слѣдовать за мною, а во вторыхъ—живому человѣку идти въ тѣ мѣста не законъ».—Сказалъ и вышелъ. А Маньчжіинъ зарликъ—«коли догнать, такъ догоню, а хоть бы и не догналъ—если умру я, идучи въ ту сторону, въ которую ты пойдешь, такъ и мертвый пойду. Разстаться съ тобою я совершенно не думаю», сказалъ и побѣжалъ сзади его. Мальчикъ-работникъ побѣжалъ и, скрывшись у него изъ виду, думаетъ про себя: «ну-ка, какъ теперь пойдетъ? Что будетъ говорить»? И идетъ подлѣ Маньчжіинъ зарлика невидимо для него. А Маньчжіинъ зарликъ говоритъ: «что я буду дѣлать, разставшись съ тобою и воротившись? Хоть бы я и умеръ, идучи по твоей дорогѣ (моего) великаго благодѣтеля, (такъ и то) мнѣ нѣтъ печали; будетъ дорога,—можетъ быть мертвая душа моя догонитъ тебя». Такъ говоря, онъ бѣжалъ. Мальчикъ-работникъ, чувствуя истиное состраданіе, показался Маньчжіинъ зар-

лику, давалъ ему самыя многочисленныя наставленія воротиться, но тотъ не слушался и шелъ. Мальчикъ-работникъ говоритъ: «ну, пойду съ тобою и подвергнусь наказаніямъ Эрликъ номыинъ хана». Взялъ за руку Маньчжіинъ зарлика, пошли вмѣстѣ и дошли до Эрликъ хана.

Какъ пришли они, Эрликъ ханъ говоритъ: «ты, мальчикъ, зачѣмъ просрочилъ? зачѣмъ обманулъ»? Мальчикъ-работникъ докладываетъ: «мои дѣла были вотъ какія; теперь что сдѣлаете—ваша воля»! Номыинъ ханъ спрашиваетъ: «это что за человѣкъ пришелъ за тобою»?—«Это», говоритъ мальчикъ-работникъ — «Маньчжіинъ зарликъ, сынъ богача Мöнгöнъ öргöчжикӯ, живущаго въ кочевьяхъ хана Алтанъ-öргöчжикӯ». Номыинъ ханъ спрашиваетъ: «онъ чего ищетъ»? «Онъ», отвѣчаетъ мальчикъ-работникъ, «сказалъ, что не разлучится со мною и пошелъ за мною въ слѣдъ». Тогда Номыинъ ханъ спрашиваетъ у Маньчжіинъ зарлика: «ты зачѣмъ пришелъ вслѣдъ за нимъ»? Маньчжіинъ зарликъ докладываетъ хану: «этотъ мой мальчикъ работникъ сказывалъ мнѣ вотъ какія рѣчи—намѣреваясь отплатить за твое благодѣяніе, я выпросился у Эрликъ хана и вышелъ отъ него, условившись о срокѣ; пропустивъ этотъ срокъ, я провелъ четырнадцать сутокъ. Когда онъ разказалъ это, я подумалъ — ради меня онъ будетъ наказанъ и понесетъ страданія; если есть такой законъ, то я, раздѣливши эти страданія, приму на себя; и хоть останусь я живымъ или умру, а, не намѣреваясь разлучаться, пошелъ за нимъ вслѣдъ». На это Номыинъ ханъ говоритъ: «если вы такіе истинные друзья, такъ я протяну надъ отверстіемъ страшнаго ада желѣзную проволоку, толщиною съ лошадиный волосъ, а вы пройдите по ней. Если вы истинные друзья, такъ вы пройдете; и если вы пройдете, такъ я дамъ вамъ участь живыхъ и сдѣлаю васъ вѣчными и пользующимися миромъ и довольствомъ въ царствѣ людей, а если упадете, такъ будете до конца галаба лежать на днѣ ада». Такъ сказавши, велѣлъ онъ имъ пройти по желѣзной проволокѣ. Сынъ богача Мöнгöнъ öргöчжикӯ сказалъ: «если за правду можно пройти, такъ я пройду»! пошелъ и пробѣжалъ не зацѣпившись. Мальчикъ-работникъ прошелъ точно такимъ же образомъ. Тогда Номыинъ ханъ положилъ имъ обоимъ судьбу въ царствѣ людей на Замбутибѣ. Оба они возвратились, дали другъ другу вѣчную клятву и побратались. Мальчикъ-работникъ взялъ за себя дочь Кökшинъ-бӯралъ хана; привелъ своихъ прежнихъ семейныхъ, родственниковъ и домочадцевъ и призрѣлъ ихъ. Маньчжіинъ зарликъ и мальчикъ-работникъ оба начали совмѣстно владѣть и данниками, и всѣмъ скотомъ, и имуществомъ богача Мöнгöнъ öргöчжикӯ. Они соединили свое достояніе и зажили въ довольствѣ.

А. Позднѣевъ.

Передовые Калмыки на пути къ Волгѣ.

Въ концѣ 1613 года царь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ снарядить посольство къ персидскому шаху Аббасу Великому «государство свое обестити» и объ иныхъ дѣлахъ переговорить [1]). Персидское государство, въ то тяжелое для насъ время, было единственнымъ дружески расположеннымъ къ Россіи, а потому посольству въ Персію, возложенному на дворянина Михайла Никитича Тиханова и подъячего Алексѣя Бухарова, придавалось у насъ большое значеніе въ политическомъ отношеніи. Въ современныхъ документахъ называется оно государевымъ и великимъ земскимъ дѣломъ. Въ то время Заруцкій владѣлъ Астраханью и отправилъ къ шаху Аббасу посланника своего Ивана Хохлова съ просьбою объ оказаніи ему матеріальной поддержки. Шахъ Аббасъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на Руси, могъ придать Заруцкому такое значеніе, какого тотъ не имѣлъ, и помочь ему, если не войскомъ, то деньгами, и тѣмъ затруднить нашему правительству борьбу съ мятежникомъ. Опасеніе это, какъ оказалось, было вполнѣ основательно. Положеніе дѣлъ не благопріятствовало отправленію посольства: прямой путь въ Персію Каспійскимъ моремъ былъ закрытъ, а кружные пути представляли серьезныя опасности; къ тому же наступала зима. Но откладывать посольство до болѣе удобнаго времени не думали, напротивъ, правительство наше проявило необыкновенную спѣшность и энергію. Вмѣстѣ съ Тихановымъ отпускался и персидскій посолъ Амиръ Али бекъ, прибывшій въ Россію въ смутное время.

---

1) «Государство свое обестити и про неправду польского Жигиманта короля объявити, да и для того, что нынѣ въ Астороxани воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою заводятъ воровство и изъ Астороxани въ Кизылбаши пишутъ многія воровскія смутныя слова, хотя по прежнему въ нашемъ государствѣ смуту учинити и кровь крестьянскую лити».

Дѣло о посольствѣ Тиханова, представляющее большой интересъ, какъ для характеристики порядковъ, существовавшихъ на Руси въ началѣ царствованія Михаила Ѳедоровича, такъ и для исторіи Востока, хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и озаглавлено: «Отправленіе къ шаху въ посланникахъ дворянина Михайла Тиханова и подъячего Алексѣя Бухарова съ объявительною грамотою о вступленіи царя Михайла Федоровича на всероссійскій престолъ», и проч. 1613 ноябрь — 1615 іюнь. Столбецъ на 464 листахъ.

При снаряженіи Тиханова возникъ важный вопросъ: какимъ путемъ отправить посольство, чтобы оно могло благополучно и «безстрашнѣе» пройдти въ Персію? Персидскій посолъ эмиръ Али бекъ предлагалъ идти на Дербень черезъ Суншу, объясняя, что отъ Самары до Сунши ходу мѣсяцъ, а отъ Сунши до Дербени пять денъ, а отъ Дербени до стольнаго шахова городу шесть недѣль. Онъ ручался, что отъ Сунши посольство дойдетъ до шаха «здорово», но какъ добраться до Сунши? Дѣло представлялось рискованнымъ, требовало точныхъ справокъ отъ свѣдущихъ людей. И по государеву указу «думный діакъ Петръ Третьяковъ роспрашивалъ казанскихъ жильцовъ Прокоѳья Врасково да Богдана Износкова: мочно ль государеву посланнику и шахову послу итти въ Кизылбаши по крымской сторонѣ на Дербень, и отъ нагайскихъ людей и отъ астороханскихъ воровъ пройти мочно-ль? И Прокофей и Богданъ сказали, что по крымской сторонѣ посланникомъ отнюдь пройти не мочно, потому что нынѣ снѣги великіе, а се на крымской сторонѣ нынѣ кочюютъ нагайскіе люди подъ Терекъ и подъ Азовъ. А какъ нагайскихъ людей на крымской сторонѣ весною хоти и не будетъ, ино на крымской сторонѣ безпрестани ходятъ крымскіе и азовскіе и Казыева улусу люди, и подъ Астороханью и подъ Теркомъ лошади отганяютъ и полонъ емлютъ, и ему за тѣмъ отнюдь пройти не мочно. А хоти и тѣхъ людей на крымской сторонѣ не будетъ, и ему (посланнику) крымскою стороною отъ астороханскихъ воровъ не пройти. А хоти и Астарахани выше пойдетъ гораздо, и ему отъ терскихъ воровъ не пройти, потому что ему итти на Кабарду, а Кабарды не минуть. А только пойдетъ съ Самары Нагайскою степью, и ему итти на Еикъ, а съ Еика на Юргенчь; а ходу отъ Яика до Юргенча со вьюки мѣсяцъ. А съ Юргенчь итти ему на Казыпунстоши по копанемъ, а ходу отъ Юргенчи до Казыпунстоши 3 дни гонцомъ, а съ Казыпунстоши въ кизылбашской въ первой въ Нисай городъ; а ходу три дни жъ гонцомъ, а съ Нисая въ Мешеть, а изъ Мешети въ Казбинъ; а ходу отъ Мешети гонцомъ 10 дней. И тою дорогою ѣхати мочно и безстрашно, только беречись надо на станѣхъ однихъ облавниковъ колматцкихъ людей. А будетъ и отъ тѣхъ людей хотѣть уберечись, ино ѣхати нижнею

дорогою, поддаться къ Сарачику. А иныхъ никакихъ людей нынѣ на Нагайской сторонѣ нѣтъ [1])».

Самымъ интереснымъ и неожиданнымъ въ этомъ сообщеніи является указаніе на присутствіе за Волгой, въ Нагайской сторонѣ, Калмыковъ. Этимъ наши свѣдѣнія о прибытіи Калмыковъ въ приволжскія степи и дополняются и принимаютъ нѣсколько иной видъ. Но прежде чѣмъ коснуться этого «дополненія», прослѣдимъ дальнѣйшія данныя о Калмыкахъ находящіяся въ дѣлѣ о посольствѣ Тиханова.

Правительство наше рѣшило отправить Тиханова черезъ Хиву. Послѣдовалъ указъ Самарскому воеводѣ князю Дмитрію Петровичу Пожарскому распросить объ этомъ пути находившихся въ Самарѣ бухарскаго купчину Хозя Науруса и юргенскаго караванбаша Дербыша, которыхъ имѣлось въ виду отпустить вмѣстѣ съ посольствомъ, и другихъ Тезиковъ (таджиковъ). Они высказали: «коли де съ нами будутъ государевъ посолъ и шаховъ посолъ, ино бъ де государь пожаловалъ пословъ своихъ и шахова посла прислалъ на Самару поранѣе, а съ Самары бъ де ити черезъ Яикъ и черезъ Енбу зимою по послѣднему пути по пласту, покамѣста на рѣкахъ ледъ не вскрылся, а топере де ѣхати нельзя, потому что укинулись снѣги большіе; а какъ де, государь, снѣги большіе поубудутъ, и ледъ бы де на рѣкахъ не прошолъ, и покамѣста коньской кормъ подъ копытомъ не будетъ, и то де, государь, время твоему государеву послу и шахову послу хорошо будетъ ити. А какъ де только, государь, на рѣкахъ ледъ вскроется и снѣги послѣдніе сойдутъ, и конской кормъ будетъ, тогды де, государь, Колмыки и Нагаи лошеди откормятъ, и безъ людей въ степи не будетъ, потому межъ собя Колмыки и Нагаи учнутъ подъѣзды чинить, тогды де, государь, дорогою будетъ не проѣхать» [2]).

Такое показаніе, подтверждавшее предыдущее относительно ходу въ Юргенчь (Хиву), окончательно убѣдило наше правительство избрать этотъ путь. Онъ не былъ вполнѣ безопасенъ, какъ относительно степи, такъ и самаго ханства, гдѣ Арапъ ханъ могъ на нашемъ посольствѣ возмѣстить тѣ убытки, которые понесли у насъ хивинскіе купцы во время смуты; но другаго исхода не было. Московское правительство сдѣлало все, что могло, для обезпеченія посольства: значительное количество хивинцевъ и бухарцовъ было задержано въ Россіи, въ видѣ гарантіи за безопасность пословъ; а въ случаѣ благополучнаго прибытія Тиханова въ Персію, задержаннымъ торговцамъ были обѣщаны значительныя льготы относительно пошлинъ.

---

1) Лл. 60—62.
2) Л. 57.

Надо замѣтить, что дипломатическія сношенія Москвы съ Среднэй Азіей въ это время прекратились, а потому и свѣдѣнія о ней были у насъ довольно слабы. Мы говоримъ «прекратились» и имѣемъ на то основаніе. До сихъ поръ первымъ нашимъ посланникомъ въ Хиву и Бухару считали Ивана Хохлова, отправленнаго туда въ 1620 году; но оказывается, что у него были предшественники. Тихановъ посѣтилъ Хиву шестью годами раньше Хохлова. А въ документахъ московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ я нашелъ указаніе на болѣе раннее посольство въ Бухару, именно Юрія Матюнина: «Списокъ посольства Юрья Матюнина, какъ онъ былъ въ Бухарехъ въ 86-мъ году» (1578). Самого списка не сохранилось, а указаніе на него находится въ «Переписной первой книгѣ всѣхъ дѣлъ Посольскаго приказа, учиненной окольничимъ княземъ Мезецкимъ и дьякомъ Даниловымъ, 7123 (1614) года». Изъ *Персидскихъ дѣлъ* (книга № 1, л. 256) видно, что въ 1592 году въ Хивѣ у Азима (Хаджима) хана находился русскій посланникъ. По имени не названъ.

На случай столкновенія съ Нагайцами и Калмыками Тиханову даны были грамоты къ этимъ народамъ. Приводимъ Калмыцкую.

«Божіею милостію отъ великаго государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя Колматцкіе орды тайшемъ и всѣмъ лутчимъ, и улуснымъ людемъ наше царьское повеленье и милостивое слово то. По волѣ великаго всемогущаго Бога и за многимъ моленьемъ и прошеньемъ богомольцовъ нашихъ митрополитовъ и архіепископовъ, и епископовъ и всего освященного чину нашихъ великихъ россійскихъ государствъ, а за многимъ челобитьемъ царей и царевичей, и государьскихъ дѣтей розныхъ государствъ, которые въ нашихъ великихъ государствахъ нашему царьскому величеству служатъ, и бояръ нашихъ, и околничихъ, и воеводъ, и чашниковъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ большихъ, и приказныхъ людей, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, и головъ стрелетцкихъ, и казачьихъ, и атамановъ, и казаковъ, и стрельцовъ, и всякихъ чиновъ служилыхъ и жилетцкихъ людей всѣхъ нашихъ великихъ государствъ россійскаго царствія, и по племяни предковъ нашихъ великихъ государей царей россійскихъ учинилися есмя на великихъ и преславныхъ государствахъ, на Владимерскомъ и Московскомъ, и на Новгородцкомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астараханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ государствахъ россійского царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ, и венчались царьскимъ венцемъ и діадимою по древнему нашему царьскому чину и достоянью. А учинясь есмя на нашихъ великихъ государствахъ, послали есмя Персицкіе и Ширванскіе земли ко государю, къ брату нашему, къ Абасъ

шаху государство наше обестити, посланника нашего Михайла Тиханова да подъячего Олексѣя Бухарова вмѣстѣ брата нашего съ шахъ Абасовымъ посломъ Амиръ Али бекомъ. И гдѣ имъ лучитца ѣхати вашею ордою или мимо вашіе орды, а случай имъ гдѣ будетъ съ вашими людьми, и вы бъ, помня прежнюю свою присылку и службу при царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи, какъ есте обещались служити намъ великимъ государемъ царемъ россійскимъ, нынѣ намъ великому государю службу свою и радѣнье оказали: нашего посланника Михайла Тиханова да подъячего Олексѣя Бухарова и брата нашего Абасъ шахова посла Амиръ Али бека сь ихъ людьми и зъ животы своею ордою и мимо своей орды велѣли пропущати безо всякіе зацѣпки, со всѣми ихъ людьми и зъ животы, и проводити ихъ велѣли до коихъ мѣстъ будетъ пригоже. А мы великій государь за вашу службу васъ пожалуемъ нашимъ царскимъ жалованьемъ по вашему прошенью и смотря по вашей службе»[1]).

Грамота писана на татарскомъ языкѣ, долго и послѣ употреблявшемся для сношеній съ Калмыками.

Грамота эта даетъ намъ указаніе на время появленія первыхъ Калмыковъ въ нашихъ юго-восточныхъ предѣлахъ. Что тутъ рѣчь идетъ дѣйствительно о Калмыкахъ, сомнѣнія быть не можетъ, да и титулъ «тайша» существуетъ только у нихъ. Оказывается, стало быть, что Калмыки заявили о себѣ нашему правительству въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, слѣдовательно между 1606 и 1610 годами, и не только заявили, а даже просили принять ихъ въ русское подданство, обязуясь служить русскому царю вѣрою и правдою — пріемъ у кочевниковъ весьма обычный для полученія подарковъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этого извѣстія, мы должны припомнить, что до сихъ поръ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, полагали, что первые Калмыки, съ Хо-Урлюкомъ во главѣ, прибыли къ берегамъ Волги около 1630 года, или даже около 1632-го, а самъ Хо-Урлюкъ вышелъ изъ Зюнгаріи въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія. Теперь оказывается, что разселеніе Калмыковъ началось нѣсколько раньше, а это отчасти измѣняетъ нашъ взглядъ на обстоятельства выхода ихъ изъ Зюнгаріи. Хо-Урлюкъ имѣлъ предшественниковъ и, быть можетъ, двигался по слѣдамъ ихъ.

Если эти первые Калмыки могли сохранить свою независимость среди враждебныхъ имъ Киргизовъ и Нагайцевъ, надо допустить, что вышли они изъ своей родины значительною ордою. Подтвержденіе этому находимъ въ статейномъ спискѣ Ивана Хохлова, который пишетъ: «А на Юргенскую

1) Листы 355 — 357.

землю приходятъ войною Калмыки: въ прошлыхъ де во 128 и въ 129 году (1620, 1621) приходили Калмыки на Юргенскую землю изгономъ и многихъ людей побили; да и на многіе де на тамошніе земли Калмыки приходятъ и воюютъ» [1]). Значитъ, явились они къ нашимъ предѣламъ не скромными просителями пріюта, а хищнической ордой, грозной для своихъ сосѣдей.

Гдѣ жили Калмыки въ то время, изъ дѣла о посольствѣ Тиханова не видно. Говорится только, что если податься къ Сарайчику, то «мочно тѣхъ облавниковъ Колмацкихъ людей уберечися». Можно предполагать, что кочевали они близь Эмбы или даже по Иргизу, и вотъ почему: послѣ набѣга Калмыковъ на Астрахань въ 1643 году воевода Плещеевъ разбилъ ихъ подъ Саратовомъ, и тогда начались оживленныя сношенія съ Калмыками, при чемъ русское правительство, между прочимъ, добивалось удаленія ихъ въ дальнія кочевья на Черные пески и на Иргизъ рѣку, чтобы они не занимали земель между Яикомъ и Волгою [2]).

Сопровождать Тиханова до Эмбы отпущены изъ Самары, 25 марта 1614 года, 30 человѣкъ стрѣльцовъ съ сотникомъ Иваномъ Мизиновымъ. На обратномъ пути, на рѣкѣ Секизъ Койнарѣ, стрѣльцы эти подверглись нападенію шайки, состоявшей, по предположенію Мизинова, изъ 200 человѣкъ. Два стрѣльца были убиты, пять ранены, убито и ранено 30 лошадей; но нападающіе понесли болѣе значительный уронъ и отступили. Въ своемъ показаніи объ этой стычкѣ Мизиновъ заявилъ, что не можетъ сказать, кто были нападающіе: туркмены или калмыки [3]). Самъ же Тихановъ съ Калмыками столкновеній не имѣлъ, и въ статейномъ спискѣ ничего о нихъ не говоритъ.

---

1) Сборникъ кн. Хилкова, Спб. 1879, стр. 423.
2) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII (изд. 2-е), стр. 283 — 287.
3) Лл. 289—293, 296—297.

Н. Веселовскій.